

Фрэнки Мечник

Токуда Том и Тек

Феликс Чечик

Покуда Том и Гек

Москва

«Воймега»

2014

УДК 821.161.1-1 Чечик
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Ч57

Художник серии: Сергей Труханов

Ф. Чечик
Ч57 Покуда Том и Гек — М.: Воймега, 2014. — 68 с.

ISBN 978-5-7640-0147-0

Книга выпущена при поддержке Алексея Коровина.

© Ф. Чечик, текст, 2014
© «Воймега», 2014

* * *

как смола на сосне
нет намного быстрее
загустело во мне
бесконечное время

стало камнем старьём
забытьём океаном
и горит янтарём
на твоём безымянном

* * *

Опускаюсь на самое дно.
Опустился. И мне не темно.

Мне светло и ни капли не сыро
в коммуналке подводного мира.

Не нарадуюсь: что ни сосед —
излучает надежду и свет.

Ни вчера и ни в возрасте юном
о таком не мечтал я в подлунном.

Катит бочки и сердится на
тишину за волною волна.

* * *

а если так как ты сказала
а не иначе как сказал
я приближение вокзала
определяю по глазам
тех кто науку расставанья
так и не выучил зубря
и безутешно плачет тая
а мяч давно присвоил я
который без толку пылится
в чулане столько лет подряд
встречай бесслёзная столица
невозвратившихся назад
и молча поклонившись в пояс
мы пересядем в скорый поезд
и выйдем ровно в полночь где
опять вернёмся успокоясь
к своим прогулкам по воде

* * *

Без унынья, без печали,
не сочтя за труд,
бесконечными ручьями
муравьи текут.

Где начало — неизвестно,
где конец ручья?
С ними вместе, если честно,
плыл и плыл бы я.

Дни за днями, дни за днями,
миллионы лет,
чтобы лакомилась нами
вечность-муравьед.

* * *

Всё путём и сомнения нет —
диалектика, брат.
Ты когда-то смотрел на рассвет,
а теперь — на закат.

Ты смотрел на рассвет не дыша
и боялся спугнуть,
и росла у ребёнка душа,
как в термометре ртуть.

Но важней и дороже смотреть
на закат старику —
и в закате увидеть не смерть
и не тлен и труху,

а возможность, уйдя далеко,
разминуться с концом
и рассветное пить молоко
желторотым юнцом.

* * *

сколько верёвочке не
вьётся змеёй подкольной
струйкой бежит по спине
и обжигает холодной

сколько и чья-то рука
мылит пеньковую снова
но улетает с крюка
в небе паря мотыльково

* * *

Снизойдёшь?
Снизошёл:
летний дождь —
чистый шёлк.

Мокрый с плеч
и до пят
подвенеч-
ный наряд

у берёз
и осин.
Не всерьёз
моросил

дождь с утра.
А над ним
тихой ра-
дуги нимб.

* * *

Измученный правдой,
болезненно точный,
склонился над картой
картограф полночный.

В конце как в начале:
и слово, и ясли.
И карты совпали,
да звёзды погасли.

* * *

Спят взрослые и дети
и видят сны, когда
пасутся на рассвете
улиточки стада.

Неспешно и безмолвно
они бредут в тиши —
неутомимы, словно
движения души.

Они на крыльях ветра
и с тишиной в груди
летят, а скорость света
плетётся позади.

Начало

1

помятые бока
у яблок от паденья
сочны как никогда
вкусны как не бывало
надолго ли пока
их не коснулось тленье
для вечности еда
чтоб всё начать сначала

2

только поосторожнее
будь не спеши
из пустого в порожнее
переливая
не пролей и в гранёном
стакане души
оживёт после смерти
вода неживая

3

вот и приехали
вот и приплыли
вешками вехами
время пометили

может быть не были
всё-таки были
просто застряли
между столетьями

4

бессмертен человек
хоть мир в предсмертном хрипе
как лес и облака
как горы и как реки
покуда том и гек
плывут по миссисипи
до той поры пока
не разлюбила бекки

* * *

Ощущение такое
от написанной строки,
будто сердце золотое
разменял на пятаки.

И в неведенье бессонном
жизнь профукал не одну,
заглушая медным звоном
золотую тишину.

* * *

запрещённый приём
болевой
злость сорвём
как цветок полевой
друг на друге на ком
же ещё
васильком
обожглись горячо

Морской бой

четырёхпалубные или
трёхпалубные корабли
вы океаны бороздили
но оказались на мели

и зарастает подвиг ратный
океанической травой
но жив по-прежнему тетрадный
невидимый сторожевой

* * *

воздушный путь
стрекоз и мотыльков
с пути свернуть
свернул и был таков

и облака
растаяли внизу
тень мотылька
легла на стрекозу

Спустя

1

Ничего не останется, кроме
(не рыдай, не проси, не канючь)
двух-трёх строчек о дыме и доме,
от которого выбросил ключ.

От которого рожки да ножки,
от которого даже золы
не осталось. Врачи неотложки —
не архангелы, а козлы —

постарались, обратно вернули,
но забыли сказать для чего.
И ветра левантийские дули,
в колыбели качая его.

2

...и тебе, говорящему на
языках насекомых и птичьих,
новогодняя ночь как весна
в лесопарках столичных,

где листва на берёзах вот-вот,
где вот-вот и трава молодая,
где скворчиха гнездо своё вьёт,
бесконечно летая.

И пускай ты немного отвык
от апрельской процеженной сины,
и понятен и дорог язык
новогодней пустыни,

где расцвёл под куранты вчера
фиолетовый кактус,
и летит лесопарком пчела,
на тебя натываясь.

3

Если действительно так,
как ты говорил,
и на суде зачтётся
слово как дело —
что ж, не напрасно птах
из последних сил
тщетно о клетку бьётся,
чтоб сердце пело.

* * *

Здесь всё другое: я другой,
и воздух, и язык,
и треск улиток под ногой
напоминает крик.

Я променял на ближний Ost
вдруг ставший дальним West,
но неизменна сумма звёзд
от перемены мест.

* * *

И небо высохло, и вычерпали Пину
навечно — ну и пусть,
что список кораблей сгорел, но половину
я помню наизусть.

Мне хватит за глаза и половины списка,
я четверть века с ним
стою, как идиот, на набережной Пинска,
глотаю горький дым.

Он в сердце у меня, как если бы скрижали,
зарубки, узелки...
Горели корабли, и ротозеи ржали
на берегу реки.

* * *

Как птах небесный в сети,
как рыба на крючок,
в сачок при лунном свете
попался светлячок.

Испуганный, помятый,
светящийся хитин,
в одном лишь виноватый —
что в темноте светил.

* * *

Голые ветки
в конце октября.
В кои-то веки
слышу себя.

Шум обезглавлен,
выжжен дотла.
Над Ярославлем
колокола.

Листьев шуршанье,
сорок трескотня.
Слушать ушами —
не для меня.

Сердцем — и только.
Только ему
слышно, как Волга
слушает тьму.

* * *

вот и я говорю
для чего
снегирю
беззащитность его

на снегу
ярко-красным пятном
чтоб врагу
не найти днём с огнём

* * *

но доброе слово и кошке
а что говорить про кота
устал он идти по дорожке
и сердце прожгла темнота
и путь заказали обратно
из вечного мрака домой
но доброе слово приятно
пусть даже от смерти самой

* * *

От Елисеевского на Тверской
до Елисейских полей,
если поддать, то подать рукой,
главное — не пролей!

Не расплещи, сбереги, утаи
чувство — печаль светла,
и, как бутылку чернил, аи
опорожни из горла.

* * *

ностальгию не жалею
слёзы утри
академику павлову
памятник при

жизни небо чужбинное
над головой
голубей голубиная
почта совой

сообщенье из прошлого
но адресат
выбыл вычеркнут кто ж его
знает назад

Эскизы

1

оскоминный зелёный
антоновский налив
резонно думать склонный
скорее мёртв чем жив
не белый скороспелый
сентябрьский почти
огрызок жизни целой
вставанием почти

2

паутинная заплатка
на малиннике в лесу
совершенство беспорядка
в память сердца занесу
из июля в август дверца
приоткрытая слегка
сладко тает льдинка сердца
в жарких лапах паука

3

белая кружка с каёмкой
как небеса голубой
музыкой светлой негромкой
ангел парит над тобой

детство но вдребезги кружка
непроизвольно сама
жизни утруска усушка
и горизонта кайма

4

лоза орешник ива
апачи чингачгук
и дефавская дива
и прерия и стук
копыт в конце июля
по пыльной мостовой
где разминулась пуля
с горячей головой

5

я речной песок
заклучил в сосуд
и проснулся в срок
но уже не тут
а проснулся там
а очнулся где
и с отцом считал
ряби на воде

* * *

Пока итоги не подведены
и не забыты мёртвые, как будто
ты спишь и видишь жизнь со стороны,
и весело тебе и беспробудно.

И, продлевая этот сладкий сон
и радуясь итогу втихомолку,
ты страхом, как забором, обнесён,
за вечностью подглядывая в щёлку.

* * *

Без всяких стараний
парил в небесах,
покуда словарный
запас не иссяк.

Безмолвие, хаос
и холод внизу.
А я, чертыхаясь,
по небу ползу.

* * *

Воспоминаниям о Праге,
воспоминаниям о Вене —
до фени — кровью на бумаге
или чернилами по вене.

А мне совсем не безразлично,
каким они меня запомнят:
осенний вечер, электричка
за окнами трёхзвёздных комнат,

каштаново-кленовый ветер,
что путается под ногами,
и Můstek* между тем и этим
обрывистыми берегами.

Так пиво узнаёшь по пене,
по выбитым зубам — о драке.
А может быть, я не был в Вене?
А может быть, я не был в Праге?

А может быть, я не был вовсе
и, может быть, уже не буду,
и мне приснилась эта осень
и это приобщенье к чуду.

* Мостик (*чеш.*), станция пражского метро.

* * *

январской бабочки полёт
изломан и неловок
и покраснел январский лёд
от вмерзших краснопёрок

оттаяв косяком плывут
весенний ветер дует
и в коконе презрев уют
капустница зимует

* * *

Навек простившись со страной,
забудь дорогу, чтоб
не превратиться в соляной,
окаменевший столб.

Иди вперёд, ты не слабак,
ты выдержал почти,
и привкус соли на губах
как счастье ощути.

* * *

в задаче сказано ответ
в конце учебника а если
его там не было и нет
да и учебники исчезли
а заодно учителя
ленив беспечен и рассеян
но справился с задачей я
и ложкой вычерпал бассейн

* * *

Хотелось бы без слов,
совсем, но как без них?
Так ловит птицелов
не птиц, а песни их.

Потом несёт домой —
живых едва-едва,
чтоб слушать их зимой
и подбирать слова.

* * *

Проснуться до шести
и обалдеть от рани —
как краску соскрести
с окошка в женской бане

и задохнуться от
восторга и запрета,
обожествляя плод
и женственность рассвета.

Ноябрь уж наступил

1

и пришло в ноябре
и неожиданно и кстати
ощущение брэн-
ности и благодати

осознание тщеты
и небесного света
и печали что ты
не почувствуешь это

2

в ноябрьском лесу
голодный крик сорок
читаю по лицу
а чаще между строк

но то что я прочёл
тебе не расскажу
сокрытое от пчёл
понятное ежу

3

Неутомимый овод,
гудящий в ноябре, —
причина, а не повод
не думать о себе.

Ничуть не огорчила,
скорей наоборот,
ничтожная причина —
смотреть природе в рот.

Как возвратиться в детство,
не ныть и не пенять
и что-то наконец-то
в себе самом понять.

* * *

И. Евсе

Мороз за тридцать, школа на замке,
белым-бело, и лёд на речке звонок,
и руки моей бабушки в муке,
и сдобных булок запахи спросонок.

Спи не хочу, но манит запах сдоб
с изюмом и особенно с корицей,
и соблазняет за окном сугроб
возможностью по шею провалиться.

Умыться кое-как и, на ходу
дожёвывая, обжигаясь, булку,
со сборной Тупика летать по льду
и проиграть с позором Переулку.

Домой вернуться засветло, пока
январский ветер не пригонит стужу.
На батарее форма Третьяка
оттаивает, образуя лужу.

А сам Третьяк уснул без задних ног,
и Третьяку всю ночь кошмары снятся:
доска, Ньютон, спасительный звонок
и физик, так похожий на канадца.

* * *

Никому — ни тебе и ни мне —
не дано возвратиться обратно:
крест, поставленный на стране, —
за разбитое сердце награда.

За разбитое вдребезги на
миллионы осколков, как эхо,
чтобы в них отразилась страна,
словно в комнате страха и смеха.

* * *

Ну а если всерьёз, не валяя
дурака, не ломая комедь,
как на князя смотрела Аглая,
честно в прошлое посмотреть —
что увидишь? — любовь и разлуку,
два-три слова на идише и
пожелание бабушки внуку
перед самой разлукой — любви;
что услышишь? — фальшивую ноту,
дар божественный, втоптаный в грязь.
Жизнь, дарованная идиоту, —
пусть не князь, всё равно удалась.

* * *

в преддверии грозных
событий пока
не выросли крылья
и хрупок хитин
два божьих навозных
счастливых жука
утроим усилия
и улетим

* * *

обнаруженная двушка
через много-много лет
одичавшая зверушка
ненавидящая свет

пролежала четверть века
за подкладкой пиджака
и убила человека
невозможностью звонка

* * *

Посреди октября
снеголёт, снегопад,
кто не спрятался — я
как никто виноват.

Кто не спрятался — тех
никогда не вернёшь;
но октябрьский снег
превращается в дождь

и бежит по лицу,
собираясь в ручьи,
приближая к концу
и приблизив почти.

* * *

Не стало собаки,
но дело собачье живёт.
Небесные знаки
во мраке она подаёт.

И лечит от страха
горячим своим языком
в созвездии Рака,
где смерти не писан закон.

* * *

Так неприятно, так некстати
вдруг вспомнить прожитое зря,
как влажное рукопожатье,
что вытираешь втихаря
о брюки, чтобы не заметил
хороший, в общем, человек,
и дальше с ощущением этим
жить целый век.

* * *

Состарюсь на твоих глазах;
и отразится в них:
не вечный жид, а вечный страх —
моей любви двойник.
В них отразится ужас мой,
как в зеркале солдат,
с войны вернувшийся домой
в послевоенный ад.

* * *

самое вкусное в яблоке или
тыблоке знает любой
косточка главное чтоб не забыли
крохотную за губой

а прорастёт и начнёт плодоносить
в августе не зевай
и убери приближается осень
и сохрани урожай

чтоб в январе под симфонию вьюги
музыке баха под стать
яблоки грызть целовать твои руки
снова губу раскатать

* * *

на обратной стороне
кленового листа
я получил письмо с небес
и захотел прочесть
но оказалось что не мне
и сосчитав до ста
я отказался наотрез
узнать благую весть

* * *

Прошлое — если вернуть
или приблизить на волос, —
неуловимо, как ртуть,
непогрешимо, как Rolex.

Но ускользают из рук
и норовят испариться:
детство, влюблённости, друг,
армия, мама, больница.

Прошлое как беловик,
колется — не перепишешь;
я из бывалых, бывлых,
я из вчерашних, давнишних.

Кровь замедляет свой бег,
загустевает, и память
вдруг превращается в снег,
чтоб никогда не растаять.

* * *

Вороньих разборок
наскучивший ор
и быстрый, как порох,
ночной разговор.
И ворох никчёмных,
бессмысленных слов,
давно обречённых
и сказанных вновь.

* * *

С. Тарасову

гори сияй чинарик
в декабрьской степи
как крохотный фонарик
забвенье освети

где мы на пару с братом
где больше никого
на перепутье ратном
небесного забво

* * *

Человечество подразделяется на
две как минимум части, дружок:
кто в неполных тринадцать блевал от вина,
кто ходил в переплётный кружок.

Две как минимум части, сливаясь в одно,
образуют единый народ:
мастера — мастера, пьют другие вино,
попадая в такой переплёт.

Ни о чём не тужа, никого не виня,
припеваючи, в общем, живут,
и в едином порыве кладут на меня
все, живущие там или тут.

Не в обиде. Ничуть. Не такое прощал —
тех жалея и этих любя.
А за то, что я пил и кружок посещал, —
я и сам презираю себя.

* * *

прощай дорогая столица
уехал твой любящий сын
японскому богу молиться
в тени иудейских осин

прощай золотая отныне
хрустальна сыновья слеза
а золота что на осине
хватает ему за глаза

* * *

Проще
простого:
в роще
сосново —
словно
рубаша,
слово
пропахло.

* * *

добей недобитка
кувалдой а лучше сохой
не чувствуя злобы
надежды и страхи рассей
и всё-таки нитка
всегда остаётся сухой
последняя чтобы
домой возвратился тесей

* * *

среди бетонных стен
и промелькнувших лет
довольствоваться тем
чему названия нет
в ногах валяться у
и пестовать в себе
как правило б/у
и то нрзб

* * *

В. Д.

жить неспешно и тихо
вышивать или шить
ожиданием стихо-
творения жить

и медово и млечно
без любви и молитв
и в итоге навечно
забыть алфавит

* * *

молодо зелено глухо и пьяно
сеть золотая в бриллиантах капкан
две половины пустого стакана
не променяю на полный стакан

переливается через и даже
край навсегда превращается в дно
где в незнакомом до боли пейзаже
время со смертью теперь заодно

* * *

сретенка или ордынка
белка в нескучном саду
переводная картинка
времени переводу
через летейскую воду
посуху без словаря
только увы переводу
не соответствую я

* * *

освобождение суля
ещё мертва природа
в последних числах февраля
тридцать шестого года
но вдребезги разбитый лёд
форелью серебристой
уже по волковке плывёт
в кладбищенскую пристань

* * *

незабудка плакала
третий день жара
что росинки маковой
не было с утра
плакала горячими
и от этих слёз
колокольчик тучами
голубыми рос

* * *

я скоро две трети
с отцом наяву
со скоростью смерти
на свете живу

со скоростью света
по сторону ту
где шляпа из фетра
и спичка во рту

* * *

Вальсирует листва.
Идут на убыль дни.
Подсевших на слова
спаси и сохрани!

В промозглом октябре,
невидимы почти,
они идут в толпе,
но им не по пути.

И ветер им в лицо,
и нескончаем дождь,
а жизни колесо
назад не повернёшь.

Но шарик на оси
остановился вдруг
и сколько ни проси —
не хочет сделать круг.

Но получили кайф
и сотворили миф,
вращение придав,
конвульсии продлив.

Содержание

«как смола на сосне...»	3
«Опускаюсь на самое дно...»	4
«а если так как ты сказала...»	5
«Без унынья, без печали...»	6
«Всё путём и сомнения нет...»	7
«сколько верёвочке не...»	8
«Снизойдешь?..»	9
«Измученный правдой...»	10
«Спят взрослые и дети...»	11
Начало	12
«Ощущение такое...»	14
«запрещённый приём...»	15
Морской бой	16
«воздушный путь...»	17
Спустия	18
«Здесь всё другое: я другой...»	20
«И небо высохло, и вычерпали Пину...»	21
«Как птах небесный в сети...»	22
«Голые ветки...»	23
«вот и я говорю...»	24
«но доброе слово и кошке...»	25
«От Елисеевского на Тверской...»	26
«ностальгию не жалею...»	27
Эскизы	28
«Пока итоги не подведены...»	30
«Без всяких стараний...»	31
«Воспоминаниям о Праге...»	32
«январской бабочки полёт...»	33
«Навек простившись со страной...»	34
«в задаче сказано ответ...»	35
«Хотелось бы без слов...»	36
«Проснуться до шести...»	37
Ноябрь уж наступил	38
«Мороз за тридцать, школа на замке...»	40
«Никому — ни тебе и ни мне...»	41

«Ну а если всерьёз, не валяя...»	42
«в преддверии грозных...»	43
«обнаруженная двушка...»	44
«Посреди октября...»	45
«Не стало собаки...»	46
«Так неприятно, так некстати...»	47
«Состарюсь на твоих глазах...»	48
«самое вкусное в яблоке или...»	49
«на оборотной стороне...»	50
«Прошлое — если вернуть...»	51
«Вороньих разборок...»	52
«гори сияй чинарик...»	53
«Человечество подразделяется на...»	54
«прощай дорогая столица...»	55
«Проще простого...»	56
«добей недобитка...»	57
«среди бетонных стен...»	58
«жить неспешно и тихо...»	59
«молодо зелено глухо и пьяно...»	60
«сретенка или ордынка...»	61
«освобождение суля...»	62
«незабудка плакала...»	63
«я скоро две трети...»	64
«Вальсирует листва...»	65

Феликс Чечик. Покуда Том и Гек

редактор:

А. Переверзин

корректор, технический редактор:

О. Тузова

В оформлении обложки использован рисунок Леты Югай

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 30.11.2013.

Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 4,25.

Тираж 500 экз.

Феликс Чечик родился в 1961 году в Пинске. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, стажировался в институте славистики Кёльнского университета. Автор книг «Мерцающий звук» (1994), «Прозаизмы» (2001), «Муравейник» (2008), «Алтын» (2009), «Ночное зрение» (2011), многочисленных журнальных публикаций. Лауреат «Русской премии» (2011). С 1997 года живёт в Израиле.